

ЭТО БЫЛА короткая и
сладкая дружба. А
тогда, так съавил однаж-
ды известный сатирик: «Он
с ней дружил, она его тер-
пела».

Все началось с толстен-
ного конверта на моем ре-
дакционном столе. Жуткие
каракули сообщали, что
автор сего письма ветеран-
металлург, Герой Социали-
стического Труда Дмитрий
Белоглазов сочинил стих
про свою жизнь и посылает
начало для опубликования
в местной газете, а также
ждет корреспондента для
дальнейшего ознакомления.

«Пролог» представлял из
себя страниц двадцать без
малейшей претензии хотя
бы на самодеятельную по-
эзию, но обильно пересы-
панных словами, в печат-
ных изданиях не употреб-
ляющимися. «Бог ты мой,
— чертычалась я который
день, — неужели этому
Герою трудовой славы ма-
ло, за литературной потя-
нуло». Конверт легко сно-
вал с полированной по-
верхности стола в ящик, но
наступало другое утро, а
с ним и тяжелая думка:
хочешь не хочешь, а ехать
к старыку надо. Напишу
про него очередную бравую
зарисовку — может, удов-
летворится.

Он показался большим,
хмурым и ворчливым:

— Ну, явилась? Зовут-то
как? Не слышал. Аль не
местная?

Пришлось оправдываться:
журналистская судьба по-
кидала, но вот время осе-
дать на родине.

— Родина — это хорошо.
Мне директор Данилов Фе-
дор Саныч все казенную
квартиру сулит. Ты, гово-
рит, только скажи. А я
ему: «На что мне твоя ка-
менная клетка, когда це-
лым домом владею. Ты
мне лучше колодец по-
ставь — уважишь. Ноги не
те за версту бегать». И
что ты думаешь, отрыли
колодец, гляди.

Он потащил меня к ко-
лодецу, а после в крохот-
ную, выделенную к istitu-
пившей весне кухню в «це-
лом доме» на два окна.

ПОТОМ ПРИШЛА ОСЕНЬ...

* Долг

— Читать будешь тут
али дома? Дома так дома.
Гляди, не утерай. Мне дру-
гой раз не одолеть.

Где уж там одолеть —
несколько «самбарных» книг
обернул в газету и вручил
торжественно, как наслед-
ство.

На пороге, зажав под
мышкой сверток, верчусь
юлой:

— Вообще-то я хотела
написать про вас..

— Да ты прочитай спер-
ва, лучше все равно не
напишешь. Ну, ступай.

— Не врй, — рассердил-
ся старик. — Не будете вы
мои стихи печатать, кишка
тонка для правды. Но са-
ма-то хоть дочитала?

— Дочитала..

— Ну и ладно. А тетрад-
ки верни, тебе они ни к
чему. — И уже себе: —
Эх, поэт в калошах.

А потом мы пили чай в
домашней стряпней и в
прошлогоним вареньем.
Строптивый со мной, с же-
ной же своей, маленькой и
юркой, хозяйн был покла-
дист и тих. Про стихи боль-
ше — ни гугу.

Все лето он поджидал
меня у своих ворот. По-
стариковски ворчливо пе-
нял: «Чего за водой не
идешь? Мой-то водопровод
без аварий, не казенный».
«Слышал, картошки-то уж
нет в магазине. Где бе-
решь? На рынке? Богатая..
На, тачи, руки не оттянет,
Ведро носле занесешь».
«Топашь? Устала? А ты
сними каблукн, травка нын-
че нагрелась». «Дочку-то
веди в огород, горох по-
спел».

И я послушно шла за
водой в персональный бе-
логлазовский колодец —
подарок заводского дирек-
тора. И стояла босая на
пыльной траве у придорож-
ного дома. Я терпела занозы
и подковырки, и те не-
печатные слова, кои в пы-
лу слетали с его острого
языка.

А потом пришла осень.
Дорогу отремонтировали, и
автобус уже проносил меня
мимо окошек с голубыми
наличниками. А потом за-
мели метели, и свет в доме
гас уже к той поре, когда
я добиралась на улицу Та-
лица. А потом я въехала в
новую квартиру в новом
городском микрорайоне..
А потом Дмитрия Ивановича
Белоглазова не стало.

В его многогранном
сочинении, смешном, неуме-
лом, полуграмотном — бы-
ло такое, что в официаль-
ных кабинетах еще имено-
валось крамолой. Сидел се-
бе «неблагодарной» Герой
и «тюкал» простым каран-
даном в простых тетрадо-
ках простыми словами си-
стему, которая сделала его
Героем. Что бы сказала он
сегодня?

Собственноручное писа-
ние горемычной жизни Д. И.
Белоглазова я изучала почти
месяц. Все это время со-
весть моя боролась со
страхом неминуемой встре-
чи; объясняться с аполити-
чным стихоплетом, увен-
чанным Золотой Звездой,
как-то не приходилось. Со-
весть и страх побеждали
попеременно. Между тем
шоссе к дому закрыли на
очередной ремонт, и «трой-
ка» стала собирать и вы-
брасывать пассажиров в
десятке метров от белогла-
зовской избы. Вот тут-то он
меня и прищучил:

— А, явилась — не за-
пылилась.. Долгонько.

Кажется, до сих пор пы-
лаю, будто маков цвет,
вспоминая, как снова по-
танул он меня в избу, а я
летела что-то унизитель-
но беспомощное: «Стихи
вроде и ничего, но вот..»

Л. МИЛЯБСКАЯ.